

УДК 177.7 + 316.[4+624.2+7]
 DOI: 10.48164/2713-301X_2020_2_95

А.Е. Сериков

Самара
 Самарский национальный исследовательский университет
 имени академика С.П. Королева
 aeserikov@mail.ru

МАРГИНАЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ¹

Если маргинальность определить как отклонение от типичного и нормального, некоторые жертвы–пострадавшие могут быть поняты как типичные и нормальные, другие – как маргинальные. При этом можно различить два типа маргинальных жертв. Первый тип – жертвы отличные от статистически модальных, выявляемых в рамках криминологической виктимологии и при исследованиях бедствий и катастроф. Второй тип – жертвы, отличающиеся от массмедийного прототипа «идеальной жертвы». Прототипы «идеальной жертвы» могут изменяться со временем или при переходе от одной культуры к другой, но некоторые их характеристики являются довольно устойчивыми.

Ключевые слова: норма, тип, прототип, маргинал, жертва, пострадавший, виктимность, уязвимость, сакрализация, жертвоприношение.

В социологических и криминологических работах часто пишут о причинно-следственных связях между маргинальностью, преступностью и виктимностью: «Взаимосвязь маргинальности и преступности в данном случае может трактоваться не только в виде предположения, что маргинал в силу ряда обстоятельств склонен к правонарушениям, совершениям преступлений, но и в виде предположения, что маргинал, находящийся на окраине, в преддверье социальной жизни (люмпены, андеркласс, бичи, бомжи, проститутки, нищие и т. п.), в меньшей степени защищен в правовом отношении, чем другие, и чаще становится жертвой преступлений разного рода» [1, с. 104–105]. При этом маргинальность обычно определяется через принадлежность к низшим социальным стратам и субкультурам. Само их существование может пониматься как выражение несправедливости, несовершенства общества, а принадлежность к ним – как следствие того, что человек

стал жертвой преступления или несчастного случая. Таким образом, если маргинала определить как представителя пограничных групп и субкультур, порочный круг маргинальности и виктимности выглядит как что-то само собой разумеющееся и особого теоретического интереса не представляет. Но такое определение маргинала является достаточно поверхностным, а одна из задач современной философии заключается как раз в том, чтобы осмыслить маргинальность на фундаментальном уровне.

Если предположить, что маргинальность изначально связана с виктимностью, не может ли это стать отправной точкой для более глубокой разработки обоих концептов? Что если задать вопрос не просто о том, кто такой маргинал, а о том, кто такая маргинальная жертва? Ответ на него можно продумать на основе противопоставления маргинальности и нормы. Согласно одному из распространенных подходов, маргинал – это девиант, отклоняющийся от нормы данной культуры или группы. Норму можно понять как типичное восприятие, мышление и поведение, которое положительно или отрицательно санкционировано. Типичное воспринимается с помощью языковых

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

категорий, обыденных или научных. С такой точки зрения маргинал – это тот, кто отличается от типичного и нормального. Тогда очевидно, что жертвы тоже бывают, с одной стороны, типичные и нормальные, с другой – маргинальные.

При этом подходе можно выделить две разновидности маргинальных жертв. Первая разновидность – это жертвы, отличающиеся от выявляемого научными методами статистически модального типа. Например, Джессика Полак и Чарис Кубрин пишут, что в современном западном обществе более 90 % потерпевших страдают от преступлений против собственности [2]. С этой точки зрения жертвы насильственных и сексуальных преступлений являются маргиналами. Ведь таких людей в реальном обществе меньшинство, их опыт является редким и необычным, поэтому между ними и другими людьми образуется невидимый психологический барьер.

Вторая разновидность – маргиналы, отличающиеся от идеального массмедийного прототипа, от так называемой «идеальной жертвы». Это понятие в 1986 г. ввёл норвежский криминолог Нильс Кристи. Под «идеальной жертвой» он имел в виду «человека или категорию индивидов, которым – если они пострададут от преступления – с наибольшей готовностью будет присвоен полный и законный статус пострадавших» [3, р. 12]. В качестве примера Кристи описывает типичный для норвежской культуры того времени образ идеальной жертвы: старушка, ухаживавшая за своей больной сестрой и в середине дня возвращавшаяся домой, когда её ударил по голове незнакомый крупный мужчина, забравший её сумку и затем потративший деньги на алкоголь или наркотики. Кристи перечисляет свойства, делающие этот образ идеальным: 1) жертва была маленькая и слабая; 2) она занималась тем, что вызывает уважение; 3) её нельзя обвинить в том, что она была днём на улице; 4) напавший был большим и плохим; 5) он не мел к жертве никакого персонального отношения.

Слабая старушка – не единственный возможный прототип. Типичным для современных массмедиа является, например, образ молодой женщины – жертвы сексуального или домашнего насилия. Лори Кук-Дэниелс так описывает социальные стереотипы, связанные с насилием: «Насилие – это мужская склонность. Женщины проявляют насилие только при самозащите. Мужчины всегда хотят секса, их нельзя изнасиловать. Женщины сильнее страдают в результате сексуального насилия, чем мужчины» [4, р. 1]. Эти стереотипы настолько сильны, что оказывают влияние даже на действия профессионалов. Кук-Дэниелс пересказывает историю о юристах-мужчинах, отказывавшихся заводить дела об изнасиловании мужчин женщинами и говоривших примерно следующее: «Послушайте, мы не собираемся выбрасывать на это доллары налогоплательщиков. Это мечта любого мужчины» [4, р. 1]. Мужчина – жертва сексуального насилия, а также мужчина – жертва домашнего насилия, особенно насилия со стороны женщины, – это нетипичный образ. Также нетипичными являются жертвы, которые сами виновны в совершении преступлений, но наказаны не государством, а другими преступниками. Исследование подобных маргинальных по отношению к массмедийным прототипам случаев является одной из инноваций современной виктимологии [5].

Прототипы идеальной жертвы могут изменяться со временем или при переходе от одной культуры к другой, но некоторые их характеристики являются довольно устойчивыми. Обратите внимание на пункты 3 и 5 в описании Кристи, указывающие, что жертва никак не спровоцировала преступление, что про неё нельзя сказать «сама виновата». Есть повод думать, что в современной глобальной культуре невинность жертвы, её моральная чистота – это важнейшая характеристика, позволяющая проводить аналогию с невинно пострадавшим Христом, христианскими мучениками и другими пожегтовавшими собой куль-

турными героями. Предположительно, это связано с тем, что образы невинных пострадавших легче трансформируются в образы сакральных жертв, чьи страдания и смерть приобретают высший смысл.

С этой точки зрения маргинальные жертвы среди преступников и террористов, а также самоубийцы и те, кто погиб из-за алкогольного или наркотического опьянения. Маргинальны дети-убийцы, которые воспринимаются взрослыми как несчастные жертвы жизненных обстоятельств, но при этом все равно являются убийцами. В романе Лайзы Баллантайн героини-юристы переживают из-за одиннадцатилетнего подростка, осужденного за убийство: «После суда над Тайрелом они избегали друг друга, оба уязвленные вердиктом «виновен», отправившим подростка на растерзание системе, которая его и вырастила. Его судили за то, что он застрелил товарища по банде. Оба они почувствовали симпатию к этому высокому мальчику с упругой коричневой, как каштановая кожа, кожей и веселой, всегда наготове ангельской улыбкой. Тайрел родился в тюрьме у матери-наркоманки и жил в приемных семьях. Ирен и Дэниел бились за него изо всех сил, но он был виновен и виновным был признан» [6, с. 177].

Человек, переживший теракт, – это прототипическая жертва. Например, школьница, пострадавшая во время школьного расстрела, на глазах которой погибли многие одноклассники и учителя, – очевидная жертва. Но если она отвергает массмедийную версию событий, если факты, как она их помнит и пытается изложить, противоречат стереотипной героизации погибших, она превращается в отвергаемую окружающими людьми жертву, в жертву-маргинала. Такая история рассказана в романе Коди Кепленгер «Всё было не так» [7].

Прототипическая жертва должна вызывать уважение и сострадание. Поэтому маргинальными жертвами можно считать тех, чья смерть была смешной, нелепой или слишком экстравагантной. Подобные смерти часто опи-

сывают в таком жанре литературы, как записки патологоанатомов и судмедэкспертов. Например, солдат сел на сливное отверстие в бассейне водонапорной башни и его внутренности вывернуло наружу через заднепроходное отверстие [8]. Он в каком-то смысле жертва, он умер трагически, во время службы в армии, но всё равно рассказ о его смерти не вписывается в традиционные рамки жертвенного дискурса, его смерть трудно представить как смерть мученика: всё равно возникает мысль, что это смерть глупая и даже в чём-то смешная, что он сам виноват и т. п.

Ещё один пример маргинальной жертвы. Светлана Алексиевич пересказывает слова одного из добровольцев, участвовавших в ликвидации последствий Чернобыля: «Да, рискованно. Да, опасно – радиация, но делать-то кому-то надо. А как наши отцы в войну?». Вроде бы образ очень близкий к прототипу героя, пожертвовавшего собой во имя общего дела. А затем следует признание в преступной глупости, разрушающее этот идеал: «Возвратились домой. Всё с себя снял, всю одежду, в которой там был, и выбросил в мусоропровод. А пилотку подарил маленькому сыну. Очень он просил. Носил, не снимая. Через два года ему поставили диагноз: опухоль мозга...» [9].

Если прототипическая жертва должна быть невинна и вызывать сочувствие, то лауреаты премии Дарвина – маргинальные жертвы, погибшие или лишившие себя возможности иметь потомство из-за собственной глупости. Рассказы о них вызывают недоумение, презрение, смех, но не сочувствие и сострадание. Например, Кшиштоф Азнинский стал лауреатом Дарвиновской премии 1996 г.: «Вместе с друзьями Кшиштоф отмечал свою скорую свадьбу. Когда кто-то из гостей предложил всем раздеться донага и «побеситься в последний раз», все немедленно согласились. Поначалу парни бегали друг за другом с замороженной репой в руках и старались побольше ударить партнера. Однако потом кому-то под руку попала бензо-

пила. Друг (и по некоторым сведениям, будущий шафер Кшиштофа) схватил ее и заявил, что покажет, что могут делать настоящие мужчины. Не успели друзья оглянуться, как он включил пилу и отхватил себе ступню. Вот тут и настал звездный час самого Кшиштофа. С криком «Подумаешь, нога – это ерунда! А так слабо?» он в мгновение ока отрезал себе голову» [10].

Итак, маргинальные примеры пострадавших, чьи образы отличаются от прототипических образов идеальной жертвы, включают: мужчин, являющихся жертвами сексуального и домашнего насилия со стороны женщин; пострадавших, которые сами спровоцировали совершённое против них преступление; пострадавших-преступников, в частности, пострадавших-террористов; пострадавших-самоубийц, алкоголиков и наркоманов; детей-убийц, которые воспринимаются как жертвы сформировавшихся их жизненных условий, но при этом

являются жестокими преступниками; выживших жертв терактов и катастроф, отвергающих массмедийные версии событий и героизацию погибших жертв; смешных и глупых жертв, не вызывающих уважение и сострадание. Подобное описание маргинальных жертв через противопоставление медийному прототипу дает определенный результат. А именно, понимание того, что наиболее важная характеристика современного массмедийного прототипа идеальной жертвы-пострадавшего – его способность легко трансформироваться в образ священной жертвы и вписываться в героическую версию событий. Соответственно, второй тип маргинальной жертвы-пострадавшего может быть понят как такая жертва, отличие которой от массмедийного прототипа препятствует её сакрализации.

Список литературы

1. Невский Н.Н. Маргинальность и криминальная виктимность [Электронный ресурс] // Вестн. Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 4. С. 104–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-i-kriminalnaya-viktimnost.pdf> (дата обращения: 23.08.2019).
2. Pollak J.M., Kubrin C.E. Crime in the News: How Crimes, Offenders and Victims Are Portrayed in the Media [Электронный ресурс] // Journal of Criminal Justice and Popular Culture. 2007. № 14 (1). P. 59–81.
3. Christie N. The Ideal Victim // Revisiting the 'Ideal Victim': Developments in Critical Victimology / ed. by Marian Duggan. Bristol: Policy Press, Bristol University Press, 2018. 340 p.
4. Cook-Daniels L. Female Perpetrators and Male Victims of Sexual Assault: Why They are so Invisible // *Victimization of the Elderly and Disabled*, Vol. 11, No. 5, January/February 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://forge-forward.org/wp-content/docs/Female-perpetrators-and-male-victims-why-they-are-invisible_mjw.pdf (дата обращения: 26.08.2019).
5. *New Visions of Crime Victims* / ed. by Carolyn Hoile and Richard Young. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2002.
6. Баллантайн Л. Виновный / пер. с англ. М. Нуянзиной. Санкт-Петербург: Азбука, 2014. 480 с.
7. Кепленгер К. Всё было не так / пер. с англ. О. Медведь. Москва: Эксмо, 2019. 352 с.
8. Ломачинский А. Записки судмедэксперта. Москва: АСТ, 2019. 320 с.
9. Алексиевич С.А. Чернобыльская молитва: хроника будущего. Москва: Время, 2019. 352 с.

10. ПтицаСова. Премия Дарвина: номинанты и победители последнего десятилетия. 01 ноября 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://fishki.net/1323429-premija-darvina-nominanty-i-pobediteli-poslednego-desjatiletija-a-href.html> [дата обращения: 26.08.2019].

Сведения об авторе:

Сериков Андрей Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

Московское шоссе, 34, г. Самара, 443086
aeserikov@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.08.2020

Одобрено: 20.11.2020

Дата публикации: 30.12.2020

Для цитирования:

Сериков А.Е. Маргинальные жертвы как феномен культуры // Сфера культуры. 2020. № 2 (2). С. 95-100.

УДК 177.7 + 316.[4+624.2+7]

DOI: 10.48164/2713-301X_2020_2_95

A.E. Serikov

Samara
Samara National Research University
aeserikov@mail.ru

MARGINAL VICTIMS AS A CULTURAL PHENOMENON¹

If marginality is defined as a deviation from the typical and normal then some victims may be understood as typical and normal, others as marginal. Further, it is possible to distinguish between two types of marginal victims. The first type is victims different from statistically modal victims identified in the framework of criminological victimology and in studies of disasters and

catastrophes. The second type is victims that differ from the mass media prototype of the victim. This prototype can change over time or as it moves from one culture to another, but some characteristics are fairly stable.

Keywords: norm, type, prototype, marginalized victim, victim, victimhood, vulnerability, sacralization, sacrifice.

References

1. Nevskii, N.N. [2011] *Marginal'nost' i kriminal'naia viktimnost'* [Marginality and criminal victimity]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 4, 104–109. [In Russian]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-i-kriminalnaya-viktimnost.pdf> [Accessed 23.08.2019].

¹ The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19 011 00872 «Philosophical anthropology of the victim: sacralization, governance, design».

2. Pollak, J.M. & Kubrin, C.E. (2007) Crime in the News: How Crimes, Offenders and Victims Are Portrayed in the Media. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*. 14 (1), 59–81. URL: <https://www.albany.edu/scj/cjpc/vol14is1/pollak.pdf> (Accessed 12.04.2019).
3. Christie, N. (2018) The Ideal Victim. In *Revisiting the 'Ideal Victim': Developments in Critical Victimology*. Ed. by Marian Duggan. Bristol, Policy Press, Bristol University Press.
4. Cook-Daniels, L. (2009) Female Perpetrators and Male Victims of Sexual Assault: Why They are so Invisible. *Victimization of the Elderly and Disabled*, 11 (5), January/February. URL: http://forge-forward.org/wp-content/docs/Female-perpetrators-and-male-victims-why-they-are-invisible_mjw.pdf (Accessed 26.08.2019).
5. Hoile, C. & Young, R. (ed.) (2002) *New Visions of Crime Victims*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.
6. Ballantyne, L. (2014) *Vinovnyi* [The Guilty One: A Novel] / Transl. from English by M. Nuianzinoi. St. Peterburg: Azbuka. (In Russian).
7. Keplinger, K. (2019) *Vse bylo ne tak* [That's Not What Happened: A Novel] / Transl. from English by O. Medved'. Moscow: Eksmo. (In Russian).
8. Lomachinskii, A. (2019) *Slivnoe otverstie* [Drainer]. *Zapiski sudmedeksperta* [Notes of a forensic expert]. Moscow: AST. (In Russian).
9. Aleksievich, S.A. (2019) *Chernobyl'skaia molitva: Khronika budushchego* [Chernobyl prayer: A Chronicle of the Future]. Moscow, Vremia. 352 p. (In Russian).
10. PtitsaSova (2014) *Premiia Darvina: nominanty i pobediteli poslednego desiatiletia* [The Darwin Prize: Nominees and winners of the last decade]. URL: <https://fishki.net/1323429-premija-darvina-nominanty-i-pobediteli-poslednego-desjatiletija-a-href.html> (Accessed 26.08.2019).

About the author:

Andrey Ev. Serikov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Samara National Research University
Research University academician S.P. Korolev Samara National Research University

34 Moskovskoie Hwy, Samara, 443086

aeserikov@mail.ru